

А. В. Успенская¹

ПОНЯТИЯ «СВОЙ» И «ЧУЖОЙ» И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Рассмотрение семантического поля слова «чужой» в русском языке, несмотря на всю его широту, позволяет констатировать, что спектр его значений простирается от нейтральных до отрицательных коннотаций. Само это слово активизирует целый ряд взаимосвязанных смыслов. «Чужой» — существующий за пределами родной, «нашей» культуры, странный, не такой, как «мы», то есть необычный, и соответственно непонятный; еще одна ступень отчуждения — обладающий неизвестными силами и способностями, возможно сверхъестественными; наконец, враждебный и опасный.

Положительные коннотации этому слову практически несвойственны. В этом русская ментальность не уникальна. Такой подход был характерен и для европейской средневековой культуры, и ранее для первобытнообщинного строя.

Если в первобытном мире оппозиция «свой—чужой» основывалась в первую очередь на кровном родстве, то доминировавшая в Западной Европе до конца Средневековья, эта оппозиция имела формы не столько социального и культурного, сколько религиозного противопоставления. Насильственная христианизация

восточногерманских и западнославянских земель, проводимая «сверху», нередко вызывала отторжение у низших сословий, при этом социальная рознь принимала формы религиозной. В средневековых текстах слово «крестьянин» (*rusticus*) нередко имеет синоним — «язычник» (*paganus*). Заметим, что в древнерусский язык это слово вошло со сходным, но не идентичным значением: «поганые» — это не просто иноверцы, но прежде всего враги (в фольклоре одно из средоточий зла — Идолище поганое). Согласно ортодоксальной средневековой идеологии христиане — носители света, им же противостояли демонизируемые еретики, колдуны, иноверцы, воспринимаемые как представители сил тьмы. Их количество по мере продвижения к концу света и последней, окончательной битве со злом должно было увеличиваться и требовать все более жестких мер противодействия. В то же время враг, если он даже формально и являлся единоверцем, приравнивался к верующим неправильно, то есть к еретикам, отступникам, предателям. Неудивительно, что широкие народные антифеодальные движения принимали в Европе облик религиозной Реформации. Разумеется, отождествление «чужого» с неверным, врагом противоречило повседневной практике межкультурного общения, а потому соблюдалось далеко не всегда. Однако понятие толерантности, безусловно, существовавшее в средневековом быту, особенно в больших городах, стало обретать статус признанной идеологии только в эпоху Просвещения.

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор филологических наук. Автор более 60 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Античность в русской поэзии второй половины XIX века», «Античность и русская литература: мотивы, образы, идеи», «Антологическая поэзия А. А. Фета», статей о творчестве Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Д. С. Мережковского, В. В. Набокова, И. А. Бродского и др.

Однако если в русском языке слову «чужой» также сопутствуют отрицательные оттенки смысла, то само представление о чужом как «ином», «другом» — иноземце, иноверце, иноплеменнике, сложившееся еще в Древней Руси, далеко не так однозначно. Можно констатировать, что на Руси в целом сложилось достаточно терпимое отношение к чужому, этому способствовал многовековой опыт жизни рядом с чужими, не пришедшими на русскую землю, а живущими на своей земле бок о бок с русскими, необходимость совместно обороняться от более сильного противника.

Кроме того, официальная идеология, зафиксированная в летописях и «Словах», поддерживаемая большинством, провозглашала добровольное принятие Русью «чужой», византийской веры — православие стало «своим», и это был осмысленный, сознательный выбор. Важное значение для Руси, заимствовавшей и христианство, и многие культурные парадигмы от Византии, имело и то, что Византия в большей степени, чем Западная Римская империя, сохранила нормы древнегреческого мира.

Греческая культура по-своему уникальна. Само слово ξένος оказывается многозначным: оно одновременно означает и «чужой», и «гость», и «друг». То есть человек, пришедший без явных враждебных намерений, является и гостем, и другом. Иноземец, странник пользовался защитой государственных законов практически во всех греческих полисах. В Греции был повсеместно распространен культ Зевса Ксения (гостеприимного). У Гомера оказывать приют нищим странникам — богоугодное дело: «Ныне же встретился нам злополучный бездомный скиталец: / Помощь ему оказать мы должны — к нам Зевс посылает / Нищих и странников...» (Одиссея, VI, 207–208). Именно под влиянием греческой, а позднее византийской культуры на Руси рядом со словом «чужой» утверждается синоним «странный» («странный человек») — и в значении «паломник», и просто «странствующий, прохожий», и в значении «необычный, вызывающий удивление человек», — и это слово имеет другие коннотации — от нейтральных до положительных.

Один из главнейших законов древнегреческого мира — закон гостеприимства. Ксенофобия считалась тяжким грехом. Эти народные нравственные нормы воплотились в греческих мифах. Например, в «Илиаде», как бы ни пылал ненавистью Ахилл к царю враждебной Трои, Приаму, но, когда тот безоружный приходит к нему умолять о выдаче тела сына, Ахилл не может его прогнать или ответить оскорблением. Известен и миф, напрямую посвященный культу Зевса Гостеприимного, — о Филемоне и Бавкиде.

Русская культура испытала двойное влияние древнегреческой культуры — через православные византийские источники и непосредственное, когда в результате реформ Петра I она стала активно вбирать в себя западноевропейские ценности. При этом характерно, что латинские источники, сама римская культура, воспринимались более отчужденно, чем греческие. Рим ассоциировался с цивилизацией — с ее пороками, жестокостью, угнетением и невинным страданием, Греция — с представлениями о гармонии

человека, природы и культуры, «золотым веком» человечества.

В русской классической литературе представлены многообразные рецепции греческой культуры, представлявшей общечеловеческим идеалом не только в эстетическом, но и в этическом плане. При этом происходит восприятие «чужого» как «гостя» и «друга».

В лирике Ф. И. Тютчева греческие нормы приобретают характер нравственного императива:

Странник

Угоден Зевсу бедный странник,
Над ним святой его покров!..
Домашних очагов изгнанник,
Он гостем стал благих богов!..

1829

В арсенале творческих средств Н. В. Гоголя античные элементы играют важную роль, возводя, казалось бы, низменное и бытовое к возвышенному и трагическому. Чтобы понять, как функционирует у Гоголя прием насыщения текста не только античными образами, но и этическими представлениями, обратимся к повести «Старосветские помещики», первой в сборнике «Миргород». Общеизвестно недоумение Белинского, в целом высоко оценившего повесть: «Две пародии на человечество... пьют и едят, и едят и пьют, а потом, как водится исстари, умирают. Но отчего же это очарованье?»¹ Это мнение породило даже целую традицию: герои осуждались за бессмысленный, растительный образ жизни, хотя и отмечалась их любовь друг к другу. Между тем герои Гоголя существуют не в реальном пространстве, где подобные оценки могли бы иметь смысл. Место жительства героев, вне всякого сомнения, — легендарный «золотой век». Как отмечал уже Г. А. Гуковский, на первой же странице Гоголь демонстрирует черты идеального, а не реального пространства²: действительно, сад одновременно цветет и плодоносит — в саду стоят деревья, «потопленные багрянцем вишен и яхонтовым морем слив». Отсутствие холодного времени года, обилие еды и питья, отсутствие катастрофических событий, и вообще всякого зла, а главное — доброта и гостеприимство обитателей — все это создает идиллический хронотоп, наиболее полно осуществленный в легендарном «золотом веке». И судить героев надлежит именно по законам этого хронотопа, когда самыми главными добродетелями являются, как еще когда-то отмечал Ф. Шиллер в работе «О наивной и сентиментальной поэзии», «гармония и мир персонажа с собой и с внешней средой»³.

Сравнение с героями древнегреческого мифа также призвано возвысить персонажей, на первый взгляд ничем не примечательных. Гоголь настойчиво называет их Филемоном и Бавкидой, и на этом сравнении стоит остановиться особо. Древнегреческий миф, особенно ярко зафиксированный в «Метаморфозах» Овидия⁴, повествует о ничем не примечательных старике и старухе, единственными добродетелями которых были любовь

¹ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. М. 1953–1959. Т. II. С. 220.

² Гуковский Г. А. Реализм Гоголя. Л., 1949. С. 79–80.

³ Шиллер Ф. Собрание сочинений: в 7 т. М., 1967. Т. 6. С. 440.

⁴ Ovid. Metamorphoses. VIII, 621–725.

друг к другу и гостеприимство, однако добродетели эти оказались практически уникальными в этом мире. Но если у Овидия боги наградили за праведность Филемона и Бавкиду: их жизнь была долгой и беспечальной, а вместо смерти боги даровали одновременное преобразование, сделав их дубом и липой («Праведных боги хранят: почитающий сам почитаем»), то в повести Гоголя благополучное легендарно-сказочное разрешение сюжета невозможно. И если у Овидия на месте жилищ нечестивых соседей пруд с лягушками, а домик стариков стал храмом Зевса Гостеприимного, то у Гоголя добродетель не будет награждена, и для его героев невозможно высокая, мифологическая реализация. Их смерть не одновременна, Афанасию Ивановичу предстоят долгие мучения в разлуке, а на месте их разоренной усадьбы остается заросший пруд.

Именно то, что герои, исполняющие божественный завет гостеприимства и любви как к «своему», так и к «чужому», не получают награды в современном мире, является, по Гоголю, одним из эсхатологических признаков: мир ушел от идеала «золотого века», приблизившись к веку железному с его разобщенностью, враждой и злобой, — и это показано в последней повести сборника «Миргород», повествующей о ссоре Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем.

В романе И. С. Тургенева «Отцы и дети» старики Базаровы, воплощающие лучшие качества мира «отцов» — любовь и кротость, радушие, гостеприимство, также сравниваются с Филемоном и Бавкидой. Базаров же, с пренебрежением отвергающий этот мир, оказывается не способен к дружбе, трагически одинок и несчастен.

В русской литературе восприятие чужого как враждебного противоречит представлениям об идеале. Если же оно соотносится с этическими нормами традиционного, патриархального общества, то общества, уже изжившего себя, находящегося в стадии разрушения. Недаром героям, пребывающим в недрах традиционного общества, исповедующим его веру, Н. Добролюбов дал меткое название — «темное царство», то есть это мир,

прежде всего лишенный нравственного света, любви и истины. Таков в трагедии А. Н. Островского «Гроза» образ Феклуши-странницы, приятельницы и собеседницы Кабановой. На первый взгляд эта героиня не имеет отношения к основному сюжету трагедии, однако это истинное порождение темного царства, его певец, глашатай. В ее рассказах, несмотря на их фантастичность, видна железная логика. Она противопоставляет свое, «наше», и «чужое». И чем дальше от нас чужое, тем более враждебным оно представляется.

У нас — «благоепие», «рай и тишина», люди «добродетелями, как цветами, украшаются». У них, в других городах, — «Содом... шум, беготня». Москва — «суетный народ... ему мерещится, что его манит некто, а придет на место-то, ан пусто, нет ничего, мечта одна...» — то есть люди подвержены дьявольскому соблазну, фактически общаются с Сатаной: «огненного змия стали запрягать». Для Феклуши это признаки приближения к концу света: «и время-то стало в умаление приходить». Еще дальше, в других странах, — «где царей-то нет православных, а салтаны земель правят» — еще более греховный мир, «все неправедные»: там правят «салтан Махнут турецкий», «салтан Махнут персидский» «и что ни судят они, все неправильно». Еще дальше, на краю земли, — мир чудовищ, «люди с песьими головами». Эта ксенофобия, отторжение «чужого» оборачивается злобой и ненавистью и к «своим» — темное царство придерживается ветхозаветной суровой справедливости («око за око»), но не ведает новозаветного понятия любви и милосердия, что отразилось в трагической судьбе главной героини.

Таким образом, в русской классической литературе косность, нелюбовь к новизне, ксенофобия, недоверие к разуму и знаниям соотнесены с отрицательными персонажами. Любовь, гостеприимство, открытость, радушие соотнесены с представлением об идеале, и в этом находит отражение стихийно складывавшийся в российской ментальности нравственный кодекс, соединивший древнегреческие и новозаветные христианские нормы.